

Н. Б. Вахтин

ЧТО СЛЫШИТ ПЕРСОНАЖ ЭСКИМОССКОЙ СКАЗКИ: ЗАМЕТКИ О МАГИИ ЗВУКА

I

В этой заметке пойдет речь о «звуковом ряде» эскимосской сказки: моим материалом являются контексты из эскимосских сказок, в которых в той или иной форме упомянут звук.

В основном это волшебные сказки азиатских эскимосов, взятые по двум источникам: публикация (Сказки 1985) и (Вахтин 2000). Все тексты записаны в 1940–1990 годах разными собирателями, в том числе и мною, на языке оригинала, и все примеры ниже приводятся в русском переводе. Сразу оговорю, что языковые особенности текстов я рассматривать не буду¹.

Можно заметить, что в текстах сказок «звуковой ряд» представлен крайне скудно. Из примерно 400 страниц просмотренных текстов выявлено всего около 100 контекстов, в которых упомянут звук. Звуков очень мало (по сравнению с действиями, зрительными впечатлениями и т. п.). Обычно в тексте «звучат» голоса людей — чаще всего речь (иногда пение) и звук шаманского бубна². В текстах практически не упоминаются шум волн, завывание ветра, треск лопающихся льдин, лай собак, пение птиц, трубные голоса моржей, свистки сусликов — все те звуки, которые окружают человека в повседневной жизни³.

Звуки, исходящие от животных, иногда оговариваются (ворон говорит «человеческим голосом», или, наоборот, человек кричит «по-звериному»), но чаще не оговариваются, ср. примеры типа

Лиса ловит рыбу, вытаскивает, а рыба «как заплачет человеческим голосом.» (11–43).

Человек лег спать в тундре, проснулся — услышал крик: «Кук, кук, кук, кук, кук.» Приоткрыл глаза, видит: сидят около него вороны и разговаривают человеческими голосами (31–69).

II

Общее «правило»: если в тексте появляется эксплицитное упоминание какого-либо звука, то **практически всегда этот звук исходит из поту-**

стороннего мира и предупреждает об опасности либо так или иначе связан с появлением или угрозой появления разного рода демонов и существ «из иного мира».

Вот типичный контекст появления звука:

Женщина с ребенком сидит на берегу и не знает, как попасть домой. «Там она от усталости задремала. Вдруг слышит сквозь сон: вода заплескалась, песок зашуршал и говорит кто-то: — Эй, сидящая выше! Что ты здесь делаешь? — Женщина ответила: — Хочу я в Анытыкук уехать, да не знаю как! — Говорит ей голос: — Иди сюда и садись в нашу байдару! Мы сами анытыкугмитские, отвезем и тебя. — Села женщина с младенцем в байдару, слышит, говорят ей: — Закрой глаза! — Зажмурилась она. Снова вода заплескалась. Совсем мало времени прошло, опять говорят ей: — Открой глаза, выходи! — Вышла женщина на сушу, видит: не Анытыкук это, а какая-то другая земля. Оглянулась на то место, где ее из байдары высадили, а байдары уже нет, только вдали касатки фонтаны пускают» (79–179).

Здесь несколько характерных черт. Во-первых, героиня слышит звуки (плеск воды, шуршание песка) **сквозь сон**. Она не видит подошедшую байдару, а лишь слышит ее. Сочетания «сквозь сон», «закрой глаза», «зажмурившись» всячески подчеркивают это обстоятельство. Когда же ей разрешают наконец открыть глаза, чудеса прекращаются: она видит землю, но не видит байдары, которая ее привезла: байдара оказывается стаей касаток.

Ср. аналогичный контекст:

Героиня садится с закрытыми глазами в волшебную байдару, ее везут, запрещая ей открывать глаза. «Шумит-бурлит, шумит-бурлит вода. Лодка приблизилась к Сивуаку и уж по песку шуришит. “Посмотри вперед и прыгай на берег”. Укамнан, не глядя на Сивукак, прыгнула». После чего она засыпает, просыпается и видит, что байдара ушла, оставив на берегу много туш морских зверей (57–130).

При описании обычного, неволшебного путешествия на байдаре никакие звуки специально в текстах не оговариваются. Впечатление такое, будто само появление звука в тексте есть сигнал, что что-то не так, что произошло что-то чудесное либо просто что-то неожиданное, непредвиденное, неправильное:

Жители села решили хитростью одолеть врагов. Герой «по-моржовому стал кричать». Вышли нунагмитцы рано утром на охоту, слышат — моржи кричат... Приблизились нунагмитцы к берегу, а мамрохпагмитцы с криком выскочили из засады и начали стрелять по байдаре» (56–127).

Человек пошел поохотиться и услышал, как на утесе бакланы кричат. Взял двух бакланых птенцов и отнес домой. Птенцы, конечно, оказались оборотнями: танцевали без шкурки, жена схватила шкурки и разорвала, бакланчики превратились в людей (50–112).

Ворон попадает в плен, освобождается и мстит обидчикам: переставляет ярангу, чтобы ее захлестывало прибоем. «Старуха-хозяйка ночью проснулась и

услышала шум. Она хотела было выйти их жилища, но оказалось, что прибой захлестывает ярангу» (61–135).

Даже во вполне невинной ситуации, когда звук — это всего лишь свист крыльев птиц, этот звук становится сигналом какого-то нарушения привычного порядка, знаком чудесного нарушения нормы:

Стая чирков обманывает лисицу: птицы притворяются байдарой, сажают лису внутрь якобы отвезти домой. «Рулевой сказал гребцам: “Посадите лисичку в середину и парусами-крыльями накройте ее. Дорога будет длинной. Пусть лисичка бьет в бубен и песни поет, чтоб дорога короткой показалась”». Лиса поет и слышит свист: «Юх-юх, юх-юх!» — и неожиданно оказывается в воде: чирки улетели (16–50).

Звук, таким образом, есть **знак чуда**: то, что зрением воспринимается как обычный мир, на слух может оказаться (и часто оказывается) миром волшебным.

III

Таким образом, обычно в сказке все происходит беззвучно. Контексты типа «тут раздался шум», «герой услышал голос» и т. п. возникают в подавляющем большинстве случаев тогда, когда речь идет о приближении необычного существа:

Ворон утащил девочку, поселил ее у себя. И вот однажды ворон полетел искать еду. Девочка эта плакала, плакала и услышала, как кто-то говорит: «Не плачь, раздевайся». Туда посмотрела глазами, увидела девочка лисичку (V 10).

Лисичка, конечно, оказалась не простая и в итоге помогла девочке убежать от ворона.

Звук — особый крик — может использоваться как сознательный призыв волшебных помощников — животных — или как вызывание природных явлений; как правило, это шаманский призыв:

Герой сказки подзывает из тундры разных зверей криком «Се-се-се!» Прибегают последовательно волки, белые медведи, зайцы (33–74).

Гагара криком «Яри-и!» вызывает дождь (45–107).

Звуками призывают помощников, звуками сопровождается и появление помощников:

Тынагыргын призывает свою помощницу: «Где та, ближняя? Почему не несет мясо?» В кладовке послышался стук, и в полог вошла девушка с деревянным подносом, полным мяса» (54–120).

Женщина вышла из землянки и запела. «Зовет песней мужа-кита. Кончила петь и слушает. Раздался далеко в море выдох кита. Женщина снова спела призывную песню. Ближе выдох кита послышался. В третий раз спела. Совсем уже близко дыхание кита. А как запела в четвертый раз, подошел кит к самому берегу» (56–125).

Вышла девочка на середину яранги, взяла бубен и запела. А как **запела**, снаружи шум **послышался**. Вот шум все ближе и ближе. Скоро у входа волны **заплескались**, в сени вода хлынула» (58–133).

Герой приходит к Тынагыргыну отнимать жену. «Тынагыргын опять **запел**, своего **духа**-белого медведя **стал звать**. Белый медведь вошел и челюстями **застучал**» (54–119).

Тот же звук, если он возникает спонтанно, не как ответ на шаманский призыв, в большинстве случаев свидетельствует о приближении потусторонних существ, часто (но не обязательно) опасных и нежелательных:

Рос мальчик. «Вот как-то проснулись утром, поели. Снаружи, слышно, ветер потянул. Вышел отец — ветер с суши дует, море белыми барашками подернулось». И дальше отец, воспользовавшись плохой погодой, отправляет сына в море, чтобы погубить его. Мальчика выносит на незнакомый берег, он сидит, привязанный к каяку. «Долго он так без движения сидел, все слушал, не идет ли кто. Вдруг чей-то **голос услышал** и подумал: “Кто это, интересно? **Убьет меня, наверное, и съест**”. А снаружи шаги все быстрее приближаются, и **голоса все слышнее**. Разобрал мальчик — две женщины идут». Мальчик попадает в землянку к нашедшим его женщинам и живет с ними. Женщины каждый день уходят на охоту, добывают разных зверей. «Вот однажды долго их не было, дольше, чем всегда. Вечереть стало. Над землянкой **сильный шум** послышался. Старик и говорит: “Хорошо! Дочери, наверное, кита добыли”». Женщины оказываются орлами (39–88, 89).

Свист и шум, говорящий о приближении волшебного орла (40–96; 41–99; 41–100).

Герой плывет на оторвавшейся льдине. «Вдруг слышит: **голос** приближается. Видит — в отверстие голова белого медведя просунулась. Влез медведь к охотнику [в пещеру] — оказывается, без шкуры он, голый, шерсть только на голове» (42–101).

Топот предвещает появление стада оленей, добытого волшебным образом (43–104).

Герой путешествует по дну моря. «Шел он, шел, да так все море и перешел. Вышел на сушу, а уже темно стало. Видит: землянка стоит. В ней огонек мерцает. Пошел на огонек. У входа остановился, копье воткнул. Вышла из землянки женщина, слышит — **копье звякнуло**. Вернулась в землянку и говорит: — **Услышала** я, как снаружи у входа **звоночек звякнул**. ...Вышел мальчик, прислушался: правда, **звякает** что-то. Шагнул в ту сторону, дотронулся до пришельца рукой и говорит: — Откуда ты пришел? У меня ведь нет брата. Пойдем со мной. Теперь у меня будет брат!» (77–171).

Мальчик **слышит** героя, но **не видит**, ему нужно дотронуться до него, чтобы обнаружить.

Граница между этим и тем миром оказывается проницаемой для звука в обе стороны. Герой может быть шаманом, и тогда ситуация выворачивается наизнанку: находясь в потустороннем мире, он слышит звуки из этого мира, оставаясь сам при этом невидимым для людей «по эту сторону границы»:

Герой делает из дерева женщину и по ночам караулит ее. «В полуночную пору в устье бухты слышалось журчание воды. Вот и голоса людей слышались. Посмотрел он в отверстие (китовой) лопатки и увидел, что к берегу приближается байдара». Герой задерживает байдару одним мизинцем, гребцы думают, что сели на мель, сбрасывают лишний балласт — наутро на этом месте находится много туш морских животных (40–94)⁴.

Тут интересно, что, хотя шаман и слышит приближение байдары, голоса людей, просто так увидеть байдару он не может: он должен посмотреть на нее через специальный магический предмет — китовую лопатку.

Герой отправляется в путь, оказывается на острове, делает себе очки, ложится на землю, кладет очки рядом. «К вечеру сплошной гул к нему приблизился, хотя ничего не видно». Уснул. Гул с противоположной стороны. Одни там говорят: «Давайте нападём на спящего». Другие говорят: «Вон глаза, не видите разве, смотрят они». К полудню гул стал удаляться, каждый вечер постепенно удалялся, наконец совсем не слышно стало» (37–83).

Тот факт, что герой не только слышит нападающих, но и, по их мнению, смотрит на них и видит их, препятствует нападению. Об этом подробнее чуть позже.

То, что неожиданный звук опасен, подтверждается и случаями обыгрывания этого — в шутке, розыгрыше:

Песец привязал к хвосту спящего волка моржовые позвонки и разбудил его криком «Спасайся! Враги». Волк спросонья вскочил и побежал, сзади грохот и шум. Бежал, обессилел, остановился — никаких врагов нет (17–51).

IV

Раз звук может доноситься «оттуда сюда» и обычно не сулит ничего хорошего, то и «отсюда туда» звуки доходят и предупреждают «тех» о поступках и поведении «этих». Отсюда табу на звуки и шум, на громкую или вообще любую речь в определенных ситуациях.

Внучка просит: «Бабушка, бабушка, расскажи сказку». «Что же я тебе скажу?» — сказала бабушка. «Расскажи про ту женщину, которую жук без мозга оставил, про нее расскажи». — «Тише, тише, услышат нас». Начала рассказывать (M12).

Герой поет (=шаманит), чувствует прилив сил и говорит матери: «Эх, у Тынагыргына [небесное божество, заимствованное из чукотской мифологии, буквально «рассвет»] жену отнять бы мне!» Мать обычно отвечала ему: «Тише, тише, а то он услышит» (54–118).

V

Граница между «этим» и «тем» миром оказывается, таким образом, проницаемой прежде всего для звуков. Само нарушение границы часто маркируется звуком:

Героиня, убежавшая из дома, встречает мужчину, поселяется у него. Мужчина собирается на охоту. «Каяк свой со всеми принадлежностями в землянку спустил. Стал одеваться... Мужчина в стену землянки вонзил гарпун. **Загрелась стена** и стала медленно раскрываться... Отчалил мужчина и в море поплыл. Скрылась корма. Землянка затворилась. Стала женщина своими делами заниматься. Сидит, шьет, **вдруг стены землянки затрещали**. Видит женщина: стенка землянки медленно открывается и в отверстии нос каяка показался». Это вернулся муж с богатой добычей (78–175).

Демонов очень часто нельзя увидеть (некоторые сюжеты напрямую построены на невидимости человека в мире демонов или демона в мире людей), но, как правило, можно услышать.

Герой попадает в незнакомые места, входит в ярангу — а его никто не видит и не слышит. Он входит в собаку, та рождает щенков, в том числе и его. «Когда мать отходила от щенков, все визжали, **один он молчал, потому что был умный**» (65–141).

Герой идет по тундре и видит рыбака (людоеда), который вытаскивает ребенка, как рыбу, из лунки во льду. «Подошел, остановился за спиной этого человека, стал смотреть, как тот удит. А тот дернул удочку и ребеночка из проруби вытащил. Сначала шевелился ребеночек, но скоро замерз. Когда он замерз, отломил рыбак у него ручку и съел. Тут юноша тряхнул своей палкой, **звонок и звякнул**. Обернулся рыбак и видит: юноша в белой одежде». Чтобы существо из иного мира увидело человека, также нужен звук (69–153).

Женщина-шаманка **слышит** приближение чужестранца-шамана, но **не видит** его, пока он не позволит себя увидеть:

Войдя, спросил: «Ты видела, как я вошел?» Женщина ведь не видела, только как будто внутри ее головы он разговаривает, так она услышала. Сказала: «Нет, я не видела, даже когда тут внизу ты разговариваешь, как будто у меня в голове, внутри ты говоришь». Тогда этот человек отделился от нее, вот там как будто бы находится внутри ее комбинезона. Тут уж женщина его увидела (VII–108).

Но так происходит не с каждым, а только с сильными шаманами. Из того же текста:

Женщина говорит: «Нет, я бы тебя увидела, если бы ты не был шаманом. Еще когда ты не подошел, еще когда ты был бы далеко, я бы тебя услышала» (VII–102).

VI

Отношения между «услышал» и «увидел» заслуживают специально-внимания. Заметна разница между контекстами типа «увидел, подошел — и услышал» и контекстами «услышал, поднял голову — и увидел»: в первом случае герой активен, он знает, что ему предстоит что-то подслушать, он сознательно диктует поведение и развитие сюжета; во вто-

ром — звук предупреждает о потенциальной опасности либо о приближении существа из другого мира.

Независимо от того, с какой стороны к границе приближаются, об этом совершившемся или готовящемся нарушении границы узнают по звуку. В сказочных эскимосских текстах существует специальная формула, предваряющая появление существа из иного мира, которую используют как люди при приближении демонов (или тех, кого они принимают за демонов), так и демоны при приближении людей, — формула «что-то у меня в ухе звенит»:

Герой возвращается домой после долгого отсутствия. «Закричал он с каяка, чтобы шли встречать его. А жена и говорит сыну: — Ой, что-то у меня в ухе звенит! — А муж ей с каяка: — Не в ухе у тебя звенит, а я тебя зову! — А жена опять: — Ой, что-то в другом ухе звенит! — Стал он еще громче жену звать. А та ничего не слышит» (67–149).

Герой-невидимка подходит к яранге в чужом селении, заглядывает внутрь, видит женщину, рядом с ней поднос с мясом. Он говорит ей: «Дай мне вареного мяса, голоден я! — Оглянулась женщина, не увидела никого и закричала: — Ой, что-то у меня в ушах звенит! Наваждение какое-то! Мяса кто-то просит, а никого нет! — Мужичок сказал: — Сейчас еще больше удивлю тебя! — Стал с блюда мясо хватать и в рот бросать. Видит женщина, как куски с блюда прыгают, исчезают в воздухе. И говорит опять: — Ой, снова зазвенело в ушах человеческим голосом!» (81–184)⁵.

Ср. контексты, в которых «слышать» и «видеть» противопоставлены:

Старик говорит герою: «Если вдруг, когда будешь гулять, свист услышишь, не оборачивайся, а то плохо тебе будет». Герой, естественно, послушался, обернулся на свист и видит маленькую землянку, у входа крохотная женщина, которая потом приходит за героем, уводит к себе и пытается погубить, пока тот спит. Но юноша повернулся, слышался звон, и женщина исчезает (69–154).

Здесь слуховой контакт — сигнал опасности, но опасности можно избежать, если не устанавливать зрительного контакта⁶ (не на этом ли построен мотив «запрет оборачиваться» — сюжеты С331 и следующие по указателю Томпсона?).

«Вот однажды туман спустился, полил дождик. Пошел сын старшины в маленькую землянку [мастерскую] кое-что поделать. Одет он был совсем легко. Пока мастерил, слышались на улице голоса. Кричат люди, что моржи мимо поселка проплывают. А юноша продолжает себе мастерить. Немного погодя пошел к нему отец — сына на охоту звать. Приоткрыл отдушину, видит: сын его в чудовище превратился.... Приказал всем, чтобы уплыли отсюда на байдарках и чтобы забрали с собой все домашние вещи, пищу, одежду и все охотничье снаряжение, а не то употребит его сын-тунгак все это во вред людям. Услыхал сын отцовские слова, оглядел всего себя: нет, не изменился он, точно такой, как всегда. Подумал юноша: «Почему отец говорит, что я стал чудовищем? Ведь тело мое осталось прежним»... Юноша пошел прочь из поселка и увидел костер. Приблизился, видит: у костра женщи-

на спиной к нему сидит. Юноша сказал женщине: “Зачерпни мне воды!” Женщина **молча** зачерпнула из речки и, **не оборачиваясь**, подала кружку юноше — после чего юноша берет ее в жены и они начинают жить вместе (73–162).

Это противопоставление, естественно, тоже обыгрывается, используется для сюжетов обмана (К800–К999):

*Лиса обманывает свою двоюродную сестру [великанишу] Майырахнак, говоря ей, что болеет, и просит опорожнить помойное ведро с утеса. При этом говорит, что ее **тень** отделилась от нее и ходит отдельно — что есть признак серьезной болезни. «**Как услышишь мою тень, не оборачивайся, а то околдует тебя!**» — говорит лиса и крадется за Майырахнак, потом сталкивает ее с утеса (83–191).*

VII

Таким образом, граница между «тем» и «этим» миром может быть «проткнута» звуком. Если кого-то слышали — это означает, что с ним возможен контакт:

*Муж ищет пропавшую жену. «Как раз на проталине сев, стал отдыхать. Вдруг **внутренность земли заговорила**: “Бабушка, расскажи сказку”. — “Что же я тебе расскажу?” — “Расскажи о том, как олень в стадо замешался, к крупному оленеводу попал”. <Бабушка рассказывает>. Внучка говорит: “А ну-ка, горшок пойду вынесу я”. Войдя, сказала: “Бабушка, на улице человек”. Сказала ей бабушка: “Ты меня заставляла рассказать сказку, наверно, он **слышал**, скажи, чтобы вошел”» (R9).*

То есть теперь, когда мужчина слышал ее, он может войти, а до того, как граница была «проткнута» звуком, войти он не мог.

*Два ворона выбирают в жены девушку, задают ей два вопроса: «Ты можешь петь?» и «А ты красивая?» Кандидатка отвечает на оба вопроса положительно и **имитирует крик ворона**, но первый ворон отвергает ее пение, второму же ее пение нравится (28–63, 64).*

Интересен вопрос «Красивая ли ты?» — как будто он ее не видит, пока она ему не спела.

VIII

Звук несет информацию в обе стороны. Умение слышать звуки «оттуда», умение интерпретировать эти звуки, умение производить звуки, нужные для призывания помощников, — высокое шаманское искусство. Этому искусству учатся:

*Девочка попадает к медведице, начинает скучать по дому, медведица отпускает ее, перед уходом обучает ее колдовству: «Взяла женщина бубен, **застучала** по бубну, **запела**. И так ладно пела, что **запомнила женщина каждый звук, каждое движение**» (58–132).*

Учатся слышать сквозь границу:

Мужчина (волшебный персонаж) дает жене (обычной женщине, украденной им) послушать, что происходит в ее родном селении, приложив ухо к стене. «Взял женщину за голову и ухо ее к стене приложил. Послушала женщина — ничего не слышит. Мужчина спросил ее: — Ну как, слышишь? — Нет! — Подул мужчина женщине в ухо и говорит: — А ну-ка, теперь послушай! — Снова приложила женщина ухо к стене, слышит: в Укиваке, словно он совсем рядом, в бубен бьют, поют, танцуют» (78–176).

Шаманы, волшебные существа отличаются тем, что умеют слышать:

Женщина — касатка, она же тайная жена героя, имеет способность слышать все, что герой говорит ей, даже когда он вдали от ее дома (90–209).

Шаманское пение также интерпретируется скорее как звук, чем как семантически наполненная человеческая речь (ср. эскимосский шаманский язык, описанный Богоразом (1919), который представляет собой сознательное использование бессмысленных слов; в случае азиатских эскимосов это слова из родственного эскимосского языка):

Герой идет по берегу. «... Как вдруг перед ним какая-то тень замелькала, луну закрыла. ... Посмотрел опять вверх и увидел: носится над ним с шумом и свистом человек». Это оказывается летающий шаман. Летающий шаман предлагает герою (тоже шаману) поехать в Тыкыгак, тот отказывается, шаман: «Если не веришь, что близко, так послушай». «Прислушался Кутылин, и правда: совсем близко пение слышится. Но все-таки говорит: — Не поеду я в Тыкыгак! — Ну, тогда полечу я домой один. Смотри, — сказал Асисак из Тыкыгака. Закричал он, как гагара, поднялся вверх и быстро скрылся из глаз». То есть не так уж и близко, если скрылся, то есть «услышал пение» герой не обычным образом. Дальше герой сам начинает летать: «Сделал несколько шагов и поднялся со свистом вверх». Прилетел домой, зашел в сени и стал топтать, чтобы жена услышала, что муж вернулся» (68–150).

В приведенном отрывке шум, свист, шаманский крик, пение, которое удается услышать герою благодаря шаманскому волшебству, являются равноправными звуками.

Важно, что само камлание у эскимосов всегда происходит в темноте: сознательно отключается зрение, и все происходящее воспринимается исключительно на слух. Да и в описании шаманских состязаний, в отличие от обычных сказочных описаний, неожиданно как будто включается звук: присутствие шамана как бы побуждает рассказчика вспомнить о звуках, сопровождающих действия:

Состязание шаманов: «одни раздавят бусы, положат на бубны и постукивают палочками. Глядь — а бусы снова целые. Были и такие шаманы, что моржовый клык с треском наизнанку выворачивали» (58–132).

Все, о чем здесь сказано, — не более чем этюд. Было бы интересно посмотреть другие традиции; возможно, роль звука окажется неодинаковой

в разных традициях. Может наметиться некое подобие типологии, по которой разные традиции распадутся на группы по тому, как воспринимается или используется звук для построения сказочного сюжета.

Примечания

¹ Приводимые контексты не цитаты, а пересказы, иногда с моими комментариями. Нумерация примеров дана кодовыми обозначениями: номера типа 31–69 — по изданию (Сказки 1985): первая цифра — номер сказки, вторая — номер страницы; номера типа V 10–13 — по изданию (Вахтин 2000): буква — код собирателя, первая цифра — номер текста, вторая — номер предложения.

² В число интересующих меня контекстов не включаются случаи типа «сказал», «заплакал», «засмеялся», которые тоже, строго говоря, представляют собой звук, однако акцент здесь, как мне кажется, на содержательном аспекте речи, а не на ее звуковой стороне. Напротив, контексты типа «услышал» будут приниматься во внимание.

³ Практически единственный случай, когда упомянут не мотивированный сюжетом звук: тугныгак (злой дух), пронзенный копьем героя, исчезает **со стоном** (91–212). Злой дух мог бы исчезнуть и без стоны — это никак не повлияло бы на развитие сюжета сказки.

⁴ Здесь, впрочем, не совсем ясна принадлежность людей в байдаре к тому или этому миру: непонятно, проник ли герой в потусторонний мир и задержал ли «тамошнюю» байдару или, находясь в потустороннем мире, задержал человеческую байдару.

⁵ Аналогом этой формулы может быть другая, менее частотная — стук сердца: орел, попавший в беду на охоте, **кричит** — его сестры при этом сидят дома. «Вот и говорит одна сестра другой: “Ой, что-то у меня сердце колотится! Уж не с братцем ли что приключилось?” Вторая говорит: “И у меня на сердце неспокойно”». Сестры летят на выручку и спасают брата (39–91).

⁶ Ср. правило для жертв террористов: avoid eye-contact with the terrorists.

Литература

- Богораз 1919: *Богораз В. Г.* О так называемом языке духов (шаманском) у разных ветвей эскимосского племени // Известия Академии наук. 6 серия. 1919. Т. 13.
- Вахтин 2000: *Вахтин Н. Б.* Язык сиреникских эскимосов: тексты, грамматические и словарные материалы. München: LINCOM — Europa, 2000. (Studies in Asian Languages 33).
- Сказки 1985: *Сказки и мифы эскимосов Сибири, Аляски, Канады и Гренландии* / Сост. Г. А. Меновщикова; Пер. с эскимосского Г. А. Меновщикова, Н. Б. Вахтина и Е. С. Рубцовой. М., 1985.